

Мистический триллер
о несуществовании русской души

По красному следу выйдешь ты к деду

КУЯЙСКИЙ КЯД

Алёна Константинова

Алёна Константинова

Кулайский клад

«Автор»

2025

Константинова А.

Кулайский клад / А. Константинова — «Автор», 2025

Гости среднего Приобья, жизнерадостная Светлана и угрюмый Платон, приехали писать научную работу на тему древней Кулайской культуры. Николай и Андрей приехали в гости к дяде. Ничего не предвещало беды, пока в лесу Томской глубинки не пропал сын Николая. Чьи тени он видел перед исчезновением? И могут ли сравниться кошмары древней культуры с кошмарами, терзающими души прибывших? Мистический триллер на тему русской хтони, пытающийся исследовать загадки возникновения кулайских фигурок и место человека в необъятной России.

Содержание

Глава 1. Прибытие	7
Глава 2. Прибытие	14
Глава 3. Копка	22
Глава 4. Семь частей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алёна Константинова

Кулайский клад

Пролог.

– Хороши вечера на Оби, ты, мой миленький, мне подсоби, я люблю танцевать да плясать, научись на гармошке играть. А над Обью плывут огоньки, а над Обью летают гудки, я люблю над рекой запевать, научись на гармошке играть!

– Ну что ты, Макарыч, распелся? Не до танцев в нашем возрасте уже.

– Это тебе, Савельич, не до танцев, а я вон какие коленца выделявать могу, а? Как прежде! Живехонький!

Иван Макарыч, беловласый старичок в дождевых сапогах, заправски выплясал поклон до земли и с довольной улыбкой посмотрел на своего соседа Савельича, тот неласково созерцал лес, хмурясь морщинистым лбом.

– Тьфу – сплюнул на землю он.

– Да как не плясать, Савельич? Смотри, день то какой бравый, солнечный, а в лесу как хорошо, кедрами пахнет, подберезовики зреют, ишь шляпы торчат, точно как твоя! – он пальцем обрисовал в воздухе шапку Савельича, в которой тот ходил зимой и летом – Ох и не хватало мне всего этого!

– Совсем ты, Иван Макарыч, старый стал – покачал головой Савельич – Это не подберезовики, а поганки.

Савельич пнул гриб сапогом, зеленовато-белая шелковистая шляпка отлетела, и перевернувшись, показала чрево черных пластин.

– Черная! – охнул он.

– Погоди-погоди, – подошел Иван Макарыч ближе – Неуж и правда поганки? Я, как тебя вот, подберезовики видел – он всмотрелся зорким глазом в лежище грибов в траве, поганки белели на солнце, словно альбиносы на юге.

– Не подходи, Макарыч! – Савельич загремел, ударив соседа лукошком – Отойди от них! Иван Макарыч остановился.

– Черные – тоже ахнул он, наклонившись ближе.

– Черные – встал рядом Савельич – И гнилью пахнут.

– Нехорошо это – забеспокоился Иван Макарыч, оглядываясь по сторонам – Непорядок в лесу. А ну, в чашу пошли, посмотрим.

Они продвинулись до середины леса. Лесок этот был небольшой, светлый, зеленый, но тихий только, и Иван Макарыч с Савельичем притихли, озираясь.

– Вон там – ткнул лукошком Савельич в ветви деревьев – Оно.

На ветке березы висела разорванная беличья шкурка, а возле нее сгустки чего-то черного, как застывший гуталин.

– И вон там – цепенело указал Иван Макарыч в другую сторону, там плотной паутиной висело такое же черное кружево, похоронный платок на голове вдовствующей старухи.

– Придет он скоро – твердо сказал Савельич – Шубу испортил, ты посмотри.

– Сам ищет – согласился Иван Макарыч – Деревья надо заготавливать. Сколько пород нужно?

– Все.

Подлетела на ветку кукушка и уставившись на Ивана Макарыча с Савельичем начала петь свою насмешливую песню. Ку-ку. Ку-ку.

– Не жди, не спросим – бросил ей Савельич.

– На сухом дереве сидит – покосился Иван Макарыч – Подморозит.

– Лето – не согласился Савельич, переминаясь на месте – Нет летом морозов.

– Чего ждать, того не миновать. В этот раз твоя помощь нужна, Савельич.

Буднично старались они поддерживать беседу, замерев среди черных неизвестных сгустков, опасаясь ступить и шагу, топчась на месте. Стало тихо вокруг, только пела кукушка. Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку. Ку-кк-ккухкх.

Кукушка захрипела сломанным горлом, вращая бешено черным маслянистым глазом.

– Больше не покукуешь – мрачно посмотрел на нее Савельич, сжимая голову птицы, по его ладони в землю медленно стекала горячая птичья кровь.

Между сорных трав зашелестел поползнем холодный ветер.

Глава 1. Прибытие

Когда Платон поехал в Приобье писать научную работу на тему Кулайской культуры Железного века, с ним отправили девушку. То ли она секретарь, то ли научный работник Платон толком не понял, да его это и не волновало, главное, чтобы не мешала изучать могильники. На словах он собирался составить трактат, в его обычной манере сухой настолько, что в аспирантуре его могли бы окунать в чай вместо сушек, но на деле, в чем Платон до конца не признавался себе, он хотел поставить точку в споре о точном времени возникновения Кулайской культуры, откопать керамику или закрытый комплекс, чтобы решить все споры, а то и разгадать тайну зооморфных символов – фигурок, которым в древности поклонялись кулайцы. Платон удивлялся, как это желание, подобно статическому электричеству, рвущееся из его груди, не было до сих пор замечено никем в институте. Он и не догадывался, что профессорам и студентам все-таки являлся остаточный запал этого чувства, резонирующий от очков. Платон всегда смотрел в упор, угрюмо и колко, как будто хотел расщепить собеседника, а ведь то был даже не институт химии, чтобы умельцы собрали атомы обратно. Кафедра археологии и этнологии предусмотрительно держалась от Платона подальше.

Ах да, Светлана. Она, конечно, не Мягков Иван Михайлович, и не Чиндина Людмила Александровна и не Людмила Михайловна Плетнева, и не другие полевые первопроходцы в изучении прорех Кулайской культуры, но Платон и ее решил называть коллегой. Коллегу Светой не назовешь, а именно так представлялась всем кому не лень в гостинице эта Светлана. Лучше бы ее, конечно, звали Людмилой. Будь у него самого уменьшительное имя от полного, он бы все равно оставил Платона, сокращение и растягивание имён говорило о непостоянстве человеческой натуры. Платоном Васильевичем он был лишь формально, никакого Василия в своей жизни не знал и тем более ему не принадлежал, а о Платоше и Платонке никогда не слышал, иначе бы, возможно, до своих солидных средних лет не дожил. «Платон» казался идеалом в плане артикуляции, но кичиться перед Светланой именем философа тоже не хотелось, какой смысл, если Платона на самом деле звали Аристокл?

– А вы как настоящий философ выглядите! – бежала за ним по перрону Светлана – И взгляд такой говорящий.

С бюстом Платона аспиранта Платона сейчас роднило только каменное выражение лица, у бюста в буквальном, у Платона в фигуральном смысле. Да и квадратные очки бюсту вряд ли бы пошли, а вот старенький свитер – возможно, скрыл бы отсутствие всего, что ниже шеи. Платону в ответ Светлану сравнить было не с кем, он на нее до этой минуты даже не смотрел, а когда посмотрел, ее музейного образца в памяти не обнаружил, только смазанный слепок с жены какого-то своего бывшего приятеля, крашеной блондинки с восторженными глазами. Светлана показалась ему для науки молодой, для секретаря слишком разговорчивой, а для коллеги... Ну вот помада у нее яркая, в толпе не потеряется.

Светлана бесхитростно улыбнулась и убрала выпавший локон за ухо.

– А мы с чего начнем? – спросила она, когда они втолкнулись в вагон электрички.

– С внешнего анализа – ответил Платон, уставившись в сплюснутые за стеклом широты лесополосы.

Внутри вагона знакомо пахло креозотом и теплой спинкой кожаных рыже-коричневых кресел. Места были свободны, но Платон за раздвижные двери не пошел, остался в проходе, там грохотало громче, а значит можно было не разговаривать. Светлана, видимо, уловила этот его порыв, села за стеклянной ширмой, на уголок у первого ряда.

Электричка тряслась на скорости. В окно шлепнулась муха, ее тело разметало по стеклу жирной клубнично-мясистой кляксой. Платон посмотрел поверх пятна. Рельсы приближали их к глуши поселков, через пятно протаскивались острые хвойные иголки, и в отражении Платон

видел собственное лицо – угловатый, как пакет советского молока, бюст философа средней архитектурной руки, в старомодных очках и с мушкой у рта. Что ж, *à la guerre comme à la guerre*, решил он, раз так офранцузился.

Воевать Платон собирался с бабками, которые вечно не давали спокойно выйти, закарбакивались в пасть железной дороги и уничтожительно зыркали стоп-сигналом. Но дачниц в цветастых платках не было. Скрип колес высадил всех в ближайшем населенном пункте посреди отсутствия перрона и унесся вдаль, радостно визжа. Платон вышел, осознавая, что отсутствие дачной братии для него плохой знак: старушек не доставало. С удивлением он обнаружил подле себя на пустом перроне женщину, с удивлением узнал в ней Светлану, и она показалась ему аргументом в пользу искривления пространства, пересечением двух поколений – внучка в короткой юбочке со старческим рюкзаком на спине.

До Подгорного добрались не быстро, но Платон едва ли этот путь заметил. Он боролся с непривычным чувством радости, еще немного, окажется прямиком перед местом, которое столько времени хотел исследовать. Ощущение возможной разгадки тайны будоражило его. Платон сидел в машине в форме спицы, но внутри него по сосудам и внутренним органам уже бегала лихорадка – чуждый обыденности импульс и залог ослиного упрямства. Светлана сидела напротив, отутюженная юбка от костюма двойки помялась от перекатывания на сиденье, Светлана крутила головой по сторонам. Первая рабочая поездка, хмыкнул про себя Платон, наверное, боится пропустить следы от сапог Александра или Петра. Нет уж, милочка, это Томская область, и подобные ей области на Западно-Сибирской равнине сами по себе – уже памятники выжившему.

Он удосужился тоже взглянуть в окно. Тайга плутала за двойными стеклами, сперва за стеклами очков Платона, потом за стеклами машины, покачивающейся на разбитой дороге. Между песчаных откосов холмов проложены разбитые зеркала рек и притоков, по речным лабиринтам мигрировала рыба. Тихо, наверное, любо сидеть в лодке посреди воды, рыбачить, думал Платон, наверняка матерые рыбаки приводят на берег сыновей, учат лову, сидят вдвоем или втроем с удочкой часами, молчат до сиреневого заката, но роднит их в этот момент сила какая-то древняя, природная. Голодная, оборвал себя Платон, рыболовство – коренное занятие для добывания еды, и иногда семьи не роднит ничего, кроме общей кастрюли супа.

Машина довезла их до реки, а до места подразумевалось идти пешком. Светлана, дрожа кудряшками, любовалась окрестностями, а Платон любовался своим новеньким набором инструментов для раскопок. В рамках приемки товара его бы вряд ли оценили, но для Платона заскоружлая лопата из гаража соседа Бориса Прольды и кисть, унесенная под покровом дневной панамки, натянутой на глаза Машке из художественного училища, были вполне себе в новинку. Как и действия, которые нужно было с ними проделать. В жизни Платон был скорее теоретик, чем практик, а жизнь еще та наука.

Час спустя перед ними и гора. Сердце у Платона забилося сильнее, сказался крутой подъем на холм. Светлана дышала ему в спину, да так сильно, точно мастиф, Платон резко обернулся, чувствуя подступающую тошноту. Он растерянно огляделся. Светлана, торопясь, но осторожно поднималась в своих неудобных ботинках по холму, метрах в пятистах от него. Платон провел рукой по затылку, где отчетливо ощущал чье-то дыхание, на ладонь взглянуть почему-то побоялся, только недовольно посмотрел на Светлану. В вышине заголосила птица. Не все перелетные улетели медленно, подумалось Платону, меланхолично он уставился в небо, пытаясь найти пернатый след, но небо было прозрачно-серым, безоблачным, безликим. Осенним. Хотелось присоединиться к птичьему косяку и улететь от бурды красок подальше на юг.

– Фух – отдуваясь, Светлана наконец, подошла – Ну и забрались.

Они уставились на гору Кулайку, хотя это и не гора была вовсе, а типичный для среднего Приобья вытянутый узкий холм, омываемый левым притоком Оби – Чаей. Река подмы-

вала уступ холма, образовав высокий речной яр, поэтому отсюда хорошо просматривались окрестности. Ими и продолжала любоваться Светлана, пока Платон сосредоточенно пытался увидеть в ландшафте карту древней местности. В железном веке гора должна была выглядеть внушительной, подпирающей величественной макушкой небо, довлея над остальными равнинами. Потому то она и стала культовым местом, все большое внушает величие, пока маленькие речушки не размывили крутой склон, разрушив приступы мыса. Что же творит с нами время, в несвойственной для себя ностальгической манере, подумал Платон. Сейчас гора выглядела как почти ровный треугольный спил старого дерева или камня, из которого хаотично торчали голые черные ветки, вперемешку с белыми стволами берез, позеленными хвоей, как выкинутой со дна тины. Деревья отражались в стальном тазу реки. Платон склонил голову в бок, увидев в этом пейзаже некую раздвоенность. Деревья бы росли целиком из глади, если бы не жухло-желтый берег, разделяющий картину напополам. Двойственность тоже присуща натурам нерешительным, напомнил он сам себе и достал из рюкзака карту, не напечатанную, а нарисованную от руки со своими собственными пометками.

– Копать будем здесь – ткнул он в отмеченную точку.

– Вы и в самом деле собираетесь копать? – удивленно округлила рот Светлана – А у нас есть разрешение...

– Я вам разрешаю – бросил Платон, решительно направившись к обозначенному месту.

Светлана спорить не стала. Никого, кто мог бы их оштрафовать, вокруг не было, а если они что-нибудь найдут, материал хороший получится. Она с энтузиазмом постучала мысом ботильона по камешкам, будто подгоняя Платона в спину, по крайней мере так это оценил Платон, нервно обернувшись на нее и взглядом показывая, что ближайшие несколько часов Светлана вольна заниматься своими делами где угодно, но только не здесь. Светлана ногу убрала, но настроение это ей не испортило. С полчаса она походила по горе, понюхала отцветающие кусты шиповника, разглядывала на противоположном берегу черные тополя, заметила птицу.

– Кукушка, кукушка! – звонким девичьим голосом позвала она – Сколько мне лет жить?

Уши Светланы наострились в ожидании ответа, но кукушка смолкла, воцарилась ватная тишина.

– Молчит – рассмеялась Светлана, подняв с земли пожухлый прутик – Наверное, по делам полетела.

– Детей в гнезда подкидывать – не без яду ответил Платон.

– Ну, может – согласилась Светлана – Давайте помогу? Вы уже упарились копать, а день не солнечный, простыните.

– Подержите вот это – Платон протянул ей черенок с рогами.

– Вы слышали? – Светлана, приняв инструмент, обернулась, высматривая что-то в лесу.

– Что? – нехотя поднял от земли голову Платон.

– Смех – задумчиво ответила Светлана – Детский.

Платон ничего не слышал, о чем Светлане не потрудились сообщить, он вновь взялся за лопату. Светлана отошла на несколько метров, прислушиваясь. Детский задорный смех через паузу сменялся протяжным ржавым скрипом. Светлана старалась не отдаляться от размеченной Платоном площадки, но в душу ее закралось опасение. Наверное, где-то рядом играют дети, думалось ей, но откуда этот металлический отзвук? Чем они играют, и не опасно ли это? Вереницы берез впереди стояли парами, как марширующие пионеры, но среди них не мелькали маленькие фигурки, как бы Светлана не присматривалась, хотя смех становился громче. Заливистый, довольный. А потом вновь протяжный скрип. Светлана поняла, что он напоминал ей. Старые качели в безлюдном дворе, которые качает ветер. Холод пронзил ее изнутри. Кого всегда качает ветер в безлюдном дворе, на безлюдной детской площадке, где обычно натужное растяжение металлических мышц заглушают смех и детские выкрики. Кого?

– Светлана! – позвал ее Платон – Светлана, где вы?!

Светлана опомнилась. Она ушла гораздо дальше, чем намеревалась, и казалось готова была идти еще и еще. Страхнув наваждение, она быстрым шагом вернулась к раскопкам, над которыми пыхтел Платон.

– Ничего – угрюмо уставился он на нее.

– Ничего – туманно повторила Светлана, пребывая мыслями где-то на тропинке вниз по склону, она не очень была удивлена пустой яме, зияющей перед Платоном.

Дыру, размером с могилу, Платон наскоро принялся закапывать ногой, не обращая внимания на то, что земля прирастает к шерсти брюк, важнее ему было выместить свое разочарование. Светлана бы может и хотела спросить, что он там хотел найти, но она имела малое представление о том, что Платон искал изначально.

– Все ведь давно выкопали – попыталась внести свой резон она.

– Угу.

– Давайте вернемся в город, а завтра приедем снова, покопаем еще...

– Вы возвращайтесь – мрачно ответил Платон, собирая инструменты – А я останусь, у меня все с собой.

– Здесь останетесь? – не смогла скрыть напряжения в голосе Светлана, у нее в голове еще звучала трель смешков – Может не надо, Платон? Холодно по ночам уже...

В завершение ее слов подкравшийся ветер закачал в низине ивовые ветлы.

– У меня палатка.

– Палатка, угм – кивнула Светлана сама себе, соображая, Платона, решила она, переубедить сейчас невозможно.

То же ощущал и Платон. К первой неудаче он был готов. Рассказывая о себе, он бы сказал, что готов к разочарованию с детства, но то ли так влиял гороскоп, то ли личные качества, иногда, карабкаясь в гору, он не знал, когда остановиться, превращал свою деятельность в Сизифов труд. Если он начал свой путь к разгадке утерянной культуры, то отступать не намеревался ни на дюйм. Это и отличало, по его мнению, ученых и археологов, может и психологов, методичное копание слоя за слоем.

Светлана потянулась к своей коричневой дорожной сумке и выудила на свет спальник.

– Я не знала, к чему готовиться, так что подготовилась ко всему – довольно сообщила она.

– У вас там и бигуди есть? – съязвил Платон – А фен спрятали в рюкзак?

– Они в гостинице остались – улыбнулась Светлана, немного жалея о том, что она не подумала и не предусмотрела, что в деле раскопок могут пригодиться бигуди – Тушенка есть – достала она из недр кожама металлический бочонок – Голодными не останемся.

Платон махнул на нее рукой, мол делайте, как душе угодно, но желудку его, когда стемнело, угодно было половину банки тушенки съесть.

Палатку устанавливали молчаливо и нудно. Если бы у Платона была линейка, колышки бы устанавливались быстрее, но он мерил на глаз, сухой суглинок не поддавался, раздражал упрямством желудок Платона, так что тушенка хотела покинуть желудочные катакомбы перистальтики. Когда материальный мир был поработан, Светлана и Платон, отвернувшись каждый к своему куску натянутой холстины, вписали себя в треугольник Паскаля, разбитый на одном из берегов Оби. Добраться до клада Кулайской культуры можно было лишь одним способом – раскопать, но версии о нем множились суммой всех чисел, стоящих по диагонали над последним. С этой мыслью пытался заснуть Платон, понимая, что копать придется очень глубоко.

Сон к нему не пришел. Светлана лежала неподвижно и не издавала никаких звуков, но Платон отчетливо слышал шелест сорной травы, которую трепал за ненадежным, но все же уютным контуром палатки ветер. Самец кукушки никак не мог уговориться, в ночи этот звук казался странно-раздражительным, как сигнал «осторожно» на железнодорожных путях. Разве ему не пора спать, отчаянно думал Платон, ворочаясь с боку на бок, пытаясь пристроить голову

на свернутом свитере, брачный период давно закончился, кукушки перестают петь в июле, а сейчас уже август, а по погодным условиям и вовсе начало осени.

Платону надоело лежать, и он выполз наружу, спустился к берегу светящейся Чаи. Вокруг было темно. Даже по-черному темно, подумал Платон, присев. Темнота не такая, когда закрываешь глаза. Несколько лет назад ему удаляли зуб мудрости, поставили обезболивающий укол, так что неприятных ощущений не было, но когда сверло вонзилось в кость десны, Платон закрыл глаза и провалился в какой-то колодец в этой десне, темнота на несколько метров, ощущаемая прямо внутри дупла зуба. Платон ощущал ее в себе, как будто состоял на семьдесят процентов не из воды, а из вязкой бесконечной кроличьей норы, которая проснулась и отозвалась на ширк сверла. Тогда ему было страшно. Не потому что его сжимала сильная рука стоматолога в колодке кресла, не потому что не двинуться, иначе бормашина высверлит половину щеки, а может зацепит и череп, ему было страшно не вернуться, остаться наедине с ползучей темнотой в колодце, темнотой даже не своей души, а десны, в собственном теле. А потом бы врач зашил эту пустоту, оставив его в страхе приближаться, точно глазом к сверлу, к природе этого неизвестного черного элемента.

– Не спится?

Платон вздрогнул, подбородок у него больно дернулся, клацнув зубами, сердце ухнуло, как будто он планировал по воздуху на подвесных качелях. Ууух.

– Зачем вы подкрадываетесь? – хотел спросить Платон грубо, но вышло затравленно.

– Я не подкрадывалась, вы просто задумались. Мне вот тоже не спится – Светлана натянула потуже рукава шерстяной кофты – Непокойно как-то всегда в лесу. Мне дед рассказывал, что охотника тайга ночью подчиняет. Сам не свой он становится, хотя с виду разумный человек. От этого и жутковато стало.

– Пришли меня проверить? Не превратился ли я уже в нечисть?

Светлане хотелось стукнуть Платона кулаком.

– Вы так не шутите, мы в лесу все-таки. Давайте, может, идолов кулайских из бересты вырежем? Они нас защищать будут.

Глаза Платона недобро блеснули в желтом свете фонарика.

– А вы уверены, что защищать? – с ухмылкой спросил он – Им жертвы приносили, но откуда вы знаете, что их вырезали как оберег, а не вызывали, как хтонический субъект для умерщвления своих врагов в этой глуши? – он окинул взглядом черные тополя – Оно вот как интересно получается, зверь для древнего человека друг, и пушнина, мясо, а проиграешь бой, зверь сам тебя умертвит.

– Красиво – перевела тему Светлана, подняв голову к небу – Смотрите, как здесь звезд много, как встарь. А вот Большая медведица.

Платон задрал голову. Над ними парила звездная карта. Космические чернила проступали отчетливо, и угловатые звери скалились, скакали, бегали по небесному чернозему – отражению земли. Вдали от города светят звезды особенно ярко, но сейчас, казалось, они вонзали свой серебряный отблеск, как драгоценные камни в оправу, в зрачки Светланы и Платона, а свет лился в сосуды их души. Небо говорило, и слово его было прекрасно.

– А вы знали, что раньше Большая Медведица называлась созвездием Лося?

– Нет – удивилась Светлана.

– Да – перекинул в руке камешек Платон – В двадцатых годах прошлого столетия. Не везде, но здесь точно. В этих землях у охотников было преимущественно два культа, лося и медведя. Видите? – указал он наверх – Как будто эти вот звезды – ноги лося, и его догоняет охотник. Культ лося был еще со времен волосовцев. Это получается... Третий-четвертый век до нашей эры. В их ритуальном кладе нашли булавку с лосиной головой и прочие предметы культа.

Светлана пыталась разглядеть в медведице новый рисунок, но ковш не выходил у нее из головы.

– А Большая медведица привычней, чем лось – улыбнулась она – Может поэтому не прижилось.

– А мне кажется, хорошо знать другие названия – ответил Платон – Все рядом с нами не то, чем кажется. Кулайская гора не гора, а холм, и клад кулайцев не клад в нашем понимании, а культовое место. Так вот и полезно знать, что у привычного может быть и другое название и другая история, и взгляд на эти явления, от нашего отличающийся. Вот вы знаете, что Платон это не настоящее имя философа? – не выдержал он – Да-да, это всего лишь прозвище. Согласно Диогену Лаэртскому Платон получил его от своего учителя гимнастики. За широту плеч – Платон невнятно кашлянул – И крепкое телосложение. Однако, теперь все верят, что он Платон.

– Хотите я вам тоже прозвище дам? – окинула его взглядом Светлана.

– Премного откажусь. И вообще – поежился Платон – Надо было нам лучше в город вернуться.

– В городе такого не увидишь – поддела Светлана, страх ее отступил, она втайне обрадовалась безрассудному решению остаться на ночь вдали от цивилизации.

– Я и за городом такого не видел – ответил Платон сумрачно – Наверное, погода для звезд благополучная. А что вы там увидели сегодня?

Светлана насторожилась, прикидывая, ответить ей правду или отшутиться. Под огромным ночником она чувствовала себя маленькой, незначительной, вдруг узрев, что звездные кристаллы не как обычно просачиваются сквозь марлю света электрических фонарей, витрин, окон и фар, а смотрят на нее необычайно ярким сиянием, просвечивают насквозь как будто рентгеном.

– Не увидела, а услышала – честно ответила Светлана – Смех детей. Хотя никаких детей то вокруг не нашлось. Странно – она пожала плечами со смешком, успокаивая сама себя.

Платона честность не растрогала.

– Это ваше гормональное желание завести ребенка – сухо ответил он – У женщины приходит возраст, когда гормоны диктуют ей соответствующие желания, а она подчиняется, вот дети ей везде и мерещатся, а потом они не нужными ей становятся.

– Вовсе это не гормональное! – обиделась Светлана – Больно много вы знаете о женских гормонах для мужчины – попробовала уколоть она.

– Это наука – Платон пожал плечами – Все загадки требуют исследований. Вот вам кажется, что вы любимая доченька – поковырял он дырку в свитере – А на самом деле вы объект воплощенного инстинкта. Рождение, страх, инстинкт выживания. Генетически заложенный код, которые передают поколения. Вот кукушка привлекает партнера и никак не заткнется – кинул он камешком в серого самца – Мы уже далеко ушли от бронзового века, и в отличие от кулайцев не должны бояться пещерных медведей или тайги, но мы находим новых врагов и продолжаем завещанную “войну против всех”, потому что поддаемся инстинкту.

Светлана обратила внимание на кукушку.

– Июль уже давно прошел – заметила она, поежившись от холода – Поздно поет, сбой пошел в вашем инстинкте.

– М-м, да – покосился туда же Платон – А вот это признаю, странно.

– А что вы все-таки хотите здесь выкопать? – поинтересовалась Светлана – Кулайская культура, от нее ведь одни бронзовые фигурки остались.

Она произнесла это довольно уверенно, хотя пролистать музейный каталог успела впопыхах, просто чтобы не прослыть легкомысленной городской девчонкой, грузная кураторша и так с пренебрежением смотрела на ее задорно-висячие сережки и новые ботильоны. Ну и

что, что вас знания к земле клонят, участливо тогда подумала Светлана, а я на диете, каталога будет достаточно.

– Вот – Платон развернул серую распечатку – Вот такое ажурное литье осталось. Видите, какая тонкая работа, и символы немного рассказывают нам, как понимали мир кулайцы. Но найти я здесь хотел не их, а остатки керамики. Если сравнить их с керамикой других периодов, можно установить точное время происхождения кулайской культуры. Этот вопрос еще подвешен.

– А загадки этих фигурок? – покрутила распечатку Светлана – Их вы не хотите решить?

– Светлана, я расцениваю шансы разумно. Вопрос зооморфных фигурок подвешен навечно.

– Почему?

– Вы слишком далеки от науки, чтобы понять.

– А вы объясните.

Платон вздохнул.

– Потому что эти вот тени, – указал он на зооморфные изображения лосей и птиц – Которые мы видим на стенах пещеры – он посмотрел на Светлану как бы с намеком, но намек пропал всеу – Вне пещеры могли быть как лесными духами, так и мутировавшим лосем с тремя головами или чучелом на голове шамана во время жертвоприношений. Мы может из этой пещеры вышли, но вокруг уже ничего не осталось. Остается довольствоваться тенями. Но у нас, людей современных – со скупой улыбкой указал он на фонарь – Стало больше источников света. И никто больше не пользуется костром. Может, оно и к лучшему. В костре тени, от костра тени, и не разберешься какие из них правдивы. Современность старается отсеять лишнее, а в мироздании слишком много щелей, через которые происходит утечка прошлого. С одной стороны оно выливается к нам, сюда, а с другой...

– С другой? – подалась вперед Светлана.

– С другой – помедлил Платон, что-то обдумывая – Утекает туда, откуда все начинается, и где все кончается. И с той стороны оно, пожалуй, может влиять на будущее. В обратном порядке.

– А как это? – распахнула глаза Светлана.

– А об этом, вы, и подумайте, пока тут сидите – поднялся Платон – Вам, погляжу, не спится, вот и покарулите.

Светлана растерянная от такой наглости посмотрела в сутулую спину Платона, а потом перевела взгляд на небо.

– Вот это лось! – кинула в звездную степь камешек она.

Глава 2. Прибытие

Живописны августовские берега Приобья. Лес стоит копиями. Небо ровное, глянцевое, прохладное. Земля плодородная и черная. Перестают только вокруг петь птицы, улетають, остается одна сиплая рвань и нечеловеческий гогот. Но в просторе таком и они звучат песней, разнесет на волны воздушные, и уже не скажешь, что крик был жуткий. По частям если его слушать, он и не крик вовсе, а безвременное эхо.

Так думал Андрей, пока добирались до дедовской деревни. Дядя их, Иван Макарыч, с теплотой подумал он, далеко вон как забрался, в глухое поселение у устья Иртыша. Как все его предки там жили, так и Иван Макарыч живет, поддерживает старый уклад. Зато природа вокруг какая. Тайга, лес, как в былинах, корнями в древность уходит. А воздух, наверное, Андрей с досадой потянул формальдегидный шлак Томска, не в угоду этому.

Автобус лениво протаскивал их по улицам. Проплывали дома, дороги, солнце слепило в мутное окно из пыли. Дачники уже не бежали с рюкзаками на электрички, наоборот, возвращались с ведрами не спеша, деловито, зная, что бежать уже некуда, сезон заканчивается, а вместе с ним и бодрая копка картошки, борьба с морковной ботвой, вечерними комарами и мыслью, как не вовремя все время заканчивается в бочке вода. Вечера такие становятся уютными, закаты розовыми, месяц светит хрустальный, копченый деготь от шпал вдыхается романтически. Хорошие вечера, почти подмосковные, как из песни, а не из недр лукоморья за МКАДом. Там, в подмосковье, вечера тихи и упоительны, не поспоришь, но пытался Андрей как-то туда к другу на дачу добраться, так и застрял где-то между цивилизацией и церквями Ярославля и Владимира. Там тоже на иконы придется посмотреть – провалишься в Русь, а выйдешь, не в Русь, но тоже куда-то провалишься. То в лужу, то в талый грязный сугроб, то в канаву вместо дороги, а то и вовсе в иное какое безвременье. В поэме Введенского вот есть наглядный пример. Как начинается сцена «Петров в военном платье», география действия обозначена затейливо – «Уральская местность. Ад». С одной стороны понять ее просто, с другой иносказательность автора дает усомниться в том, что мы еще в России. Вот и Андрей иногда сомневался.

Он перевел взгляд в перед автобуса. За три сиденья от него тряслись его брат Николай и сын Николая Игорек. Как они все вошли в автобус места были, но стоило Андрею плюхнуться на сиденье у окошка, Николай тяжелым шагом прошел к дальним сидениям, пестуя перед собой Игорьку невидимым поводком. Андрей не обижался. Хорошо думал он, хорошо выбраться из, закрутившегося в первосентябрьскую карусель, города, вихрь которой сминает последние недели лета в неудачно нарисованный пейзажный эскиз. А Андрей хотел бы полюбоваться взаправдишной природой. В Томске он последний раз был еще маленьким. Эх, вот это удаль была, и рыбалка, и босые ноги по крапиве, ай-ай, да и на крапиву все равно смех. И Николай тогда был не Николаем, а Колькой, и не меньше Андрея улыбался. А потом судьба-развилка размотала, разменяла лето в дедовском доме для Андрея на, привлекающую улыбкой шапито, Москву, а для Николая – на армейскую службу где-то за Уралом. Он оттуда сначала письма матери слал, а потом пропал, только когда с войны вернулся, они о нем и узнали. О нем узнали, а самого Николая – нет. Больно было тогда Андрею, привыкшему к задорной улыбке, растягивать при Николае губы, смеяться, как будто перед ним официальный орган государственного аппарата при котором ни-ни, как мама учила, вести себя нужно строго и правильно. В общем Николай стал казенной бумажкой, которую пытался выбить в сощучреждениях, чтобы как-то построить себе малоквадратное гнездо на подточенном дереве жилищного вопроса. Бумажка эта дряхлая на глазах, и однажды совсем рассыпалась в пальцах какого-то недовольного работника, который о войне последний раз слышал во дворе дома, за квадратным выступом неизвестного сооружения детской площадки, сжимая в пальцах импровизированного Макарова и пряча от противника школярские колени.

Мотало Николая где-то, мотало, пока Андрей с переменным успехом учился, и снова встретились они, когда Андрей уже выучился в театральном училище губы с поводом и без повода растягивать, и каменное царевское выражение при любом субъекте уже не государства, а федерации держать. При грозной, не вписывающейся в геометрию социального чертежа, фигуре Николая обнаружился Игорек. «Сын» представил его Николай.

Андрей от счастья накопил племяннику машинок и сладостей, на что тут же получил от брата взбучку. Негоже, дескать, сулить смладу символы чревоугодия и капитализма, так вот оно все и воспитывается, от маленького грузовика до московского буржуа с костью фазана в зубах. Стояла, видимо, давно уже эта кость у Николая поперек горла при виде беззаботных юнцов, летящих на всех порах на учебу, на свидания, на прогулки, не обремененных долгом, потому что выпало им в другое время опериться. И Андрей, видимо, фазаньей костью стоял. Машинки Игорька быстро куда-то исчезли, и всем вскоре стало понятно, что Игорек будет воспитываться на лебеде, муштре и крановой воде, которые закаляли дух его отца в окопе сражений. Николай готовил его к «войне против всех», чаянно надеясь, что Игорек-то, в отличие от него, эту войну выиграет. И главным кнутом в этом воспитании было периодическое полное игнорирование ребенка, дабы показать ему, что в мире этом ты никто, и заслуги твои никто не оценит, а замечать тебя будут только, когда станешь прямолинейно полезен.

А Андрей все равно от своей натуры не отступал. Он подмигивал сейчас из-за сидений Игорьку не из жалости, а просто потому что настроение хорошее, день солнечный, а впереди приключение в дедовской деревне. Ох, Игорек еще и не представляет, там и игрушек тебе не надо, раздолье чудес по берегам Иртыша, природные дары, веселье в чистом виде.

– Дальше не едет – завис над Андреем Николай – Здесь выйдем.

Андрей спрыгнул с лесенки автобуса, подал руку Игорю, чтобы тот не упал с высокого выступа. Николай с безрадостным видом созерцал открывшиеся окрестности. Высадили их почти посреди леса, и если бы не указатель до села, бродить бы им среди берез, как в старой сказке, пока колобок не прикатится.

– Вон в ту сторону.

Андрей весело закинул куртку на плечо и, вдыхая свежесть дневного полудня, смешанную с запахами нагретого сорника, крапивой да марью, пошел широкой походкой по тропинке от указателя. Игорь тащился между ними, бросая тревожные взгляды по сторонам. Читать он умел и указатель прочёл, но книжки читал украдкой по ночам, чтобы отец не отобрал. Сказки всякие, а там то волчок, то медведь в лесу, и ночью так бывало не по себе, что приходилось в три раза обернуть кругом одеяло, чтобы волк не пролез. А тут лес открытый, зачем они сами к зверю идут?

– Вот дядя обрадуется – представил Андрей, широко улыбаясь – Неожиданные гости. Как его предупредишь то? Ни телефона, ни телеграмм. Голубиной почтой? – расхохотался он – Да, Иван Макарыч наверняка обрадуется. Столько лет племянники не навещали, а ведь каждое лето звал, не заскучал, не осиротел ли там?

– Не умер ли? – отозвался глухо Николай – В деревне человек под сорок, да никто в город не ездит, весть не донесет.

– Типун тебе на язык, Николаша! – рассмеялся Андрей – Сколько дядьке то сейчас, лет за семьдесят? Для деревенской жизни все равно что пионер. Корешки себе заваривают, да на воздухе каждый день.

– И без больницы.

– А для чего здоровому человеку больница? На остальных здоровыми бактериями подышать? Если б это вот так работало.

– Мать лучше нашу помяни. Таблетки не признавала, врачей не уважала, и в могиле сколько пылится уже лежит? А все давление – Николай смотрел под ноги хмуро – Начнешь таблетки вовремя пить, в один распрекрасный день не шарахнет.

– А я, знаешь, тоже противник медицины – козырнул Андрей ухваченной метелкой гречихи – Оно вот здесь – указал он на висок – Все твоё здоровье. Ты бы, Николаша, усы к щекам подтянул – посетовал он – А то как безрадостный домовой с хутора, которому по углам ночами пыль приходится грызть.

Андрей сказал это беззлобно и бесхитростно, желая вовлечь Николая в светлый мир, который брату почему-то был недоступен. Николай ничего не ответил, только усы оправил нервным, трясущимся жестом.

Прошли они мимо леска, испили воды из холодного ручья, запутавшегося в канаве меж трав. Дорога совсем испортилась, глина да камни, и видно было, что на машине сюда не проехать, а когда дома деревни показались, уже солнце палило золотой лучиной высоко в небо-своде.

– Ты дом помнишь? – нервно спросил Николай, желая и оттягивая встречу.

– А как же – Андрей уверенно шел по дороге – Вон те белые окошки. Гляди, и дымок к приходу гостей по трубе спускается.

Втроем они ступили во владение деревни, осматриваясь в тишине. Закисшая в корнях осота и ползучего пырея, деревня спала, только из двух деревянных домов одиноким сходом пепла струился серый дух. Покосившиеся гармони заборов пели, шатаясь от ветра, истертые дождями и снегом крыши шептали по ночам лесные сплетни. Перед покатым домом Ивана Макарыча туман клочками застрял в репейнике, клевере и прочем колючем и пушистом травяном сборе, как будто занавески из тли. С краю участка стояла деревянная будка туалета, у крыльца, неровно скрещенные, лежали два полена, а за домом разрослись дикие кусты высохшей малины. Ощущение было, что здесь давно никто не живет.

– Стучи – произнес Николай в студёную тишину.

Андрей залихватски занес крупный кулак. Игорь съежился, вжавшись в подгнившие перила, Николай стоял неотесанным прямым и широким столбом, из каких получают отличные крышки для погребального ложа.

– Савельич, ты? – раздалось спустя две минуты шебуршение из-за двери – Чего, опять прихватило? Не режут тебя уже, не режут! Все прошло.

Дверь распахнулась, и на пороге появился обеспокоенный Иван Макарыч, весьма опрятный старичок в ватном пальтишке и высоких сапогах, вылитый поджарый боровик, который, как с иллюстрации ботанической энциклопедии, поджидает в молодой траве. Андрей, обнаружив дядю в добром здравии, заулыбался пухлыми губами.

– Андрюша! – Иван Макарыч смотрел то на одного, то на другого, глянул им за спины, успокоился – Неуж?! Николай! Ай, голубчики, неужели до дядьки добрались? Да как же это вы в такую даль доехали? Заходите, заходите – махнул он тонкой рукой – Чаю сейчас поставим. Вы с дороги то умаялись – он прихватил с крыльца два последних чурбана и спешно зашёл в сени.

Андрей похлопал Ивана Макарыча по спине и бросился помогать с котелком на белокаменной печи. Вытряхнул с ходу из ковши какие-то опилки, выпотрошил старую золу из подпечка, налил воду. Николай молча показал Игорю на табуретку, где тот, опустив на колени руки, сгорбился, сам присел у входа, тяжело опустил голову, протер рукавом со стола пыль, в доме пахло остывшей баней и сыростью.

– А я-то вас за Савельича принял – рассмеялся Иван Макарыч – Он последние два дня недонеможит – лицо деда сделалось серьезным – Да вам это ни к чему, ребятки, ни к чему – он подвинул на стол глиняные чашки – Чай вот с прошлогодним сбором, на шишках. Хороший чай.

Пар от кружек медленно заворачивался в гибкие колечки. На крепкий традиционный чай это, конечно, не походило, в можжевелевом настое плавали раздобревшие от кипятка листья смородины и малины.

– А это вот знакомься, Иван Макарыч, твой внучатый племянник, Игорь Николаевич – представил с гордостью Андрей, щеки Игорька залились калиновым румянцем.

– Вижу, вижу – с хитрой улыбкой протянул Иван Макарыч, разглядывая ребенка – И имя снова какое, княжеское.

– Это мать наша выбирала – рублено открестился Николай.

– Помню, помню – почесал подбородок Иван Макарыч, на краешек табуретки присаживаясь – «Будут у меня дети князьями» любила говаривать она. Тебя вот, Андрей, в честь Андрея Боголюбского назвала, а тебя, Николай...

– Прокляла она нас – мрачно ответил Николай – Имена княжеские, да только судьба у этих князей плохая. Правда, один в палатах всё-таки успел пожить – пренебрежительно покоился он на Андрея.

– А меня хотели Алешей назвать – не купился на его взгляд Андрей – Тетки рассказывали, я вылитый Алеша Попович родился, богатырь, вихры желтые, щеки красные, на подвиги горазд. Верить в приметы нас образование не обязывает – понизил он тон, нагнувшись к брату – Человек свою судьбу поступками кует, а не именем.

– Вера, Андрюша, она нужна – ответил добродушно Иван Макарыч, видимо, на слух он не жаловался – Как же без веры? Я вот в свою землю верю, в народ свой. Дядя твой, Игорек, старый селькуп. Но не в том смысле, что старый – усмехнулся он – Я годам своим воли не даю. Селькупы – это народ старый, коренной. У нас и свой князец был, Воня. В веке шестнадцатом воевали мы с кетами под ним против московичей. Не хотел Воня ясак платить русским, даже с Кучумом дела водил, а он то! Потомок Чингисхана! – дед поднял сакрально палец в потолок – Но не помогло, не помогло – вздох тяжёлый, смиренный – Большое поглощает малое. Поработили нас русичи, и так вот предки мои стали русскими. Посеребрили звоном монеты племенам, и те сами охотно перебежали. Развитой капитализм. А к кому мы в итоге ближе я и сам не знаю.

– Ты, дед Иван, в перепись селькупов вставал? – устало спросил Николай.

– А для чего ита? – лукаво ухмыльнулся Иван Макарыч – Я в душе селькуп. Отец мой был селькуп. Всегда жили мы тут. Не моя вина, что меня никто не переписывает.

– Ну тогда я в душе Чингисхан – обрубил Николай – Малочисленные народы все под опись идут, чтобы их в музее повесили.

– А не надо меня вешать – встрепнулся Иван Макарыч – Пропись эта ваша городская мне до чего? Отсчитываете, когда мы исчезнем? Так мы и так исчезнем, вы и не заметите.

– Не кипятись, Иван Макарыч, – успокоил его Андрей – Это же для сохранения культуры.

– Какой культуры! – обиженно пристукнул кружкой Иван Макарыч – Лучше бы дорогу нам в деревню проложили, не пройти не проехать, гостей не дозовешься.

– А сколько вас в деревне? – осторожно уточнил Андрей – Мы, пока шли, никого не видели.

– Сколько надо нас! – ответил воинственно Иван Макарыч – Пока живем, живем.

– Да куда вы не исчезаете – поболтал кружкой Николай – Гураны произошли от смешения с бурятами и монголами, а потом смешались с русскими. Тунгусы растворились в чертах восточных славян. Русские – это никакой не древний, а современный народ. Твои потомки селькупы уже, наверное, шикуют в столичных регионах. Не попрешь против прогресса, дед Иван. В бетонных стенах охотнику и рыболову только застрелиться, да на крючок повеситься. Всяко лучше, по-моему, висеть в музее – вздохнул он многозначительно – Ситуация.

– Этнос поглощения, современный твой народ, вот кто – хмыкнул Иван Макарыч – Большое съедает малое. А у нас знаешь, как раньше верили, чтобы границу перейти? Проходит человек через рот животного-духа, пережевывается им и приобретает облик существа потустороннего мира, а заодно и черты поглотившего его духа – Иван Макарыч нахмурил старческое лицо – Так вот попадали в мир мертвых. Мы может и вызываем несварение в теле поглотившей

нас культуры, потому что Русь не наш дух-предок, но судьба наша ясна, вся моя народность ходит за границей живого бытия – направил он вопрошающий взгляд на Николая и Андрея – А кто ваш дух-предок, кто вас поглотит, когда время умирать придет? Не знаете, русичи, а? Вот ваш современный выдуманный народ, переварил чужие культуры, но из гордости не желает признавать их своими, но и не понимает, что своей то не обрел. А нам ходи среди мертвого.

– А твой то кто дух-предок, а дед? – усмехнулся Николай.

– Селькупы происходят от животных. От бобров, от рыб. И тотемы птиц были. У каждого племени свой дух.

– А люди вообще произошли от обезьян. Знаешь, Иван Макарыч, – деловито ответил Николай, отхлебнув чаю – А теперь мне понятно, почему человеком периодически овладевает какое-то животное. Только не ясно, если оно в твоём понимании мертво, то как в мир живых потом возвращается.

– Потому что граница между мирами бывает открыта, Коля. Живой человек туда может забрести, а мертвый вернуться.

– Знаю я такую границу, дядька – хмарью ответил Николай – По периметру всей страны тянется. Что до культуры – швыркнул он – Ты не подумай, я без намеков. Когда у тебя престарелый родственник в квартирке своей живет, кажется богатств он собрал там ну немерено, особенно в детстве так кажется, книжки там всякие, патефоны-граммофоны, радио с фарфором и ковры заморские, а как начинаешь разбирать потом наследство, оказывается это одно барахло, потому что со временем стало никому не нужно. Под патефон надо плясать, когда пластинка его играет, а не успел, так и не сиди на него не смотри.

– И что же, – глянул Иван Макарыч – Выбросить меня что ли?

– А давайте-ка ужинать – встрял Андрей – Чай не день уже, голод подкрадывается. Мы из города тебе соленьев, Иван Макарыч, навезли, это еще тетя Нина давала, огурцы ее знаменитые...

Андрей остался помогать с ужином, а Николай вышел за порог. Дурная вышла встреча, думал он, зачем со старым человеком начал спорить? Ну, хочет жить он и умереть селькупом, его воля, коли не мешает никому. Николай чиркнул спичками, зажег папиросу, пожевал во рту, оглядывая покосившиеся домики, плывущие в вечернем тумане. Нет тут ничего, с досадой наблюдал Николай, а он-то на иное рассчитывал. На сбитую светлую деревеньку с наличниками. Огород, соседей, детей, колесящих по дорогам на велосипедах. Куриц, снующих за зернами по двору. А вокруг тишина, лишь из трубы напротив выползает удушливый дым – последняя надежда, что в деревне еще есть люди. Николаю от него или от чего еще сделалось дышать тяжело. Такая же безмолвная тишина у рвов окопа за секунду до... Вот сейчас через вату в ушах прорвется, прорвется... И треск и свист, и крик, и гурьба, кто куда. А все не прорывается. Растянутая тишина, давящая на уши. Может он оглох на службе, а все окружающие голоса у него просто в голове? Лицо Николая дергалось до спазматической боли, пока пальцы не опалила истлевшая папироса. Он бросил ее на землю, придавил, и скрылся в доме, бредя на человеческие голоса.

– А ложки у тебя, дядь, где? – гоношился Андрей у плиты, снимая котелок с размятой картошкой.

Николай взглянул на Игорьку о котором привычно забыл. Тот казалось не двигался со своей табуретки, разглядывал стены, засунув одну руку в карман, другая безвольно свисала.

– Есть хочешь?

Игорь покачал головой, продолжая скользить взглядом по углам дедовского дома, туда и обратно. И сколько он так уже смотрит, подумалось Николаю, когда он взглянул на стены. Дом Ивана Макарыча, в общем-то, был добротный, раз так долго простоял, брус кое-где почернел, пахло влажностью, но больше от того, что дом был частично вкопан в землю, а не от плесени. Пыль только эта на подоконниках, двигал взглядом Николай, и горшок с фиалками, головы

повесили у самой рамы, фиолетовая скорбь на надгробии промозглого окна. А вот посмотреть и правда было на что, не дом, а музей. У порога деревянная кадка, на крючке старая сеть из крапивы, на самой большой стене на видном месте крючковатая острога и большой лук с перистым наконечником. Николай подошел поближе, рассмотрел необычное оружие.

– А, лук мой – заметил с довольной улыбкой Иван Макарыч – Как, хорош? Прапрапрадеда моего. Хорошо сохранился. Наконечник смотри какой, трехлопастный, как ракета, на открытом пространстве мало поможет, а вот в лесу – дед зашел за спину Николаю – В лесу замертво обездвигивает жертву. Ни лось, ни человек не сбежит.

Николай рассмотрел весомый бронзовый наконечник, и правда похожий по форме на ракету, да, сейчас таких не делают, отстраненно подумал он, вспоминая холод автомата.

– Завтра на берег сходим – обратился Иван Макарыч к Игорю – Покажу вам тут все, удочки выдам, у нас на реке клев хороший.

За стол сели. За окном вечерело. В средокрестие маленького окошка заглядывал месяц, повиснув в петле, разросшейся у крыши березы. От чугунка с картошкой валил пар и горячий запах сытного ужина. Дед достал постные лепешки и вяленую рыбу. Андрей достал из дорожного баула банку огурцов, шпроты и грибы.

– Может закоптим улов то – подмигнул Иван Макарыч Игорьку, протягивая ему вяленого налима.

– А что, наш дорогой Иван Макарыч, – встал над столом Андрей, раскладывая по тарелкам черный хлеб – Есть у тебя в тереме водица, чтоб мне молодцом уродиться, а? За встречу то, водки бы?

Иван Макарыч понимающе усмехнулся, подтянул из-за печи свечную вязанку и стеклянную бутыль.

– Водки не имеем, но жалуйте, пожалуйста, домашний настой из можжевельника.

Николай и Андрей в душе огорчились, но лица держали.

– А давай и можжевельник – махнул рукой Андрей, памятуя лекарственный вкус во рту, оставшийся от чая – А молоко у тебя, дед Вань, можжевельное тоже? На утро то – усмехнулся он.

– Молока не держим – откупорил бутыль Иван Макарыч – Держала Нина Савельевна коз раньше, да след за ними и ушла.

Наполнили кружки темно-зеленой жидкостью, чокнулись за встречу, да за воссоединение потерянных, но родных сердец.

– Забористый настой – скривился Андрей.

– Пей, пей – похлопал его Иван Макарыч – Как привыкнешь, будет питься водой.

Говорили они долго. Иван Макарыч о житье своем, Андрей об училище, Николай о себе помалкивал, только вопросы задавал. Игорек сонно сидел на табурете, иногда одной рукой ковыряя раскрошенную картофелину, другую он продолжал держать в кармане. Когда зажгли свечи, и в оконном отражении повисло двудольное пламя, похожее на наконечники стрел от лука, который очень заинтересовал Игоря, но он боялся спросить разрешения встать и хотя бы потрогать лук, его отправили за печку спать, вручив закатанное одеяло, пахнущее каким-то животным. Иван Макарыч, придерживал трепыхающуюся свечу, положил ему в ноги коричневую шкуру, и запах зверя усилился. Новоприобретенный дед обернулся, пожелать ему доброй ночи, и Игорьку показалось, что в свете свечи у его тени выступили крылья и клюв. Игорёк закутался в старое одеяло с головой, в три раза обернув вокруг себя. Птица не волчок, а тень страшная.

Андрей и Иван Макарыч остались задушевно сидеть за столом, Иван Макарыч в позе генерала, выставив грудь аршином, орудовал сморщенным огурцом, как учительской указкой, пытаясь привести тяжеловесные доказательства к смутному предмету их спора. Николай пошел покурить, проветриться.

На улице он облокотился о перила крыльца, чувствуя в голове легкий дурман от выпитого настоя. Папироса холодом обдала губы, даже курить расхотелось, тем более, что спичка чиркала вхолостую, и мерзли руки. Уж август, зябко сжал он ладони, быстро иневеет его жатвенный венец, осень мчится рьяно на багряных санях и издалека шлет поцелуи. Зарев-зарев август, сошел с крыльца Николай, зори холодные, вечера тихие, птицы перелетные, серп один бродит среди озимых, всех выкосил, а эти не взошли еще, взойдут, как знать, весной, если переживают. Спасаясь от холода, Николай побрел по двору. Беспорядочное минное поле, запнулся о чурбан он, выругавшись и успев вытянуть руки на металлическую проржавевшую бочку. За оградой тянулась заросшая тропинка, и Николай решил пойти туда, прогуляться, подернутым копчеными деревяшками воздухом подышать, подумать, наконец, о том, что ему делать.

Зачем приехал – не складывалось, но и обратно возвращаться так нельзя. Нельзя, нахмурился он. Убрать двор, да привести хозяйство к уму, оставить деду денег. Денег... Желание курить вернулось. Денег на одного-то нет, с гадким чувством подумал Николай, протаптывая ход в высокой траве. Соседские дома чернели провалами в окнах. Спят, наверное, уже все, размышлял Николай, вдыхая и выдыхая дым, ни одной свечки на подоконнике, странно, да с другой стороны что в деревне делать, стемнело и спать лег, даже в карты за самогоном мужикам не перекинуться, уж не тот возраст. Николай то в свое армейское покрутил этот штурвал фортуны, бывало и выигрывал, а бывало и просыпался дырявый, вместо головы картечь и грохот гранатомета. Лихие времена. А после один остался самогон. Николай один. Игорь один. И втроем они ничего не могли сообразить. Николай поежился от тишины. Как-то далеко ушел он от дома, впереди уже лес, ограды вот еще... Другие дома? Он подошел ближе. Металлом какой-то. Нет. Кресты. Ржавые палки крестов торчали из земли, вдоль рядками ютились могилы. Одни даты, без фотографий, но чьи?

Николай огляделся. За ним перекошенными лицами наличников взирали пустые, без сомнения все пустые избы. Кроме двух. Не осталось никого в деревне – дошло до Николая. Вот они жители, за оградой спят. “Сколько надо нас” всплыли слова деда. Ну и не соврал дед, почему так тревожно только внутри стало. Подползал к его ботинкам белесый, слепой туман. Туман, который подаст, протянет тебе руку, а чья она, выплывет из молочной мглы, ты никогда не увидишь. Не узнаешь. От неожиданности Николай выронил из пальцев папиросу. Загасился дымок в сырой ночной траве.

За оградой стояли призраки. Не соседей Ивана Макарыча, нет, отступая, с маниакальной улыбкой узнал Николай, не они. Раны рваные, глаза при жизни не живые, вываливаются из глазниц. Осколочные ранения, пулевые. Торчат форменные лоскуты наружу, нашивки части. Руки протягивают размягчившиеся, трупные, грязь виднеется под ногтями. Грязь земли окопа, в котором сами они себе рыли могилу. Рты, поползшие к выбросу крика.

Не говорите! Схватился за голову Николай. Не кричите, миленькие! Умолял он, опускаясь на колени. Не выдержу. Меня да, забил он рукой в грудь, меня заберите, бесплотные тела окружали его хороводом. Закружили рядом. Сырость вечера выступила каплями у Николая на лбу. Я не враг вам, убеждал он, я братом вам после смерти стану. Не сердитесь, не сердчайте, сгибался он под взглядами пустых призрачных глаз, слюна брызгала с онемевших губ, а глаза Николая, зеленые, ширились, как воздушные, надувающиеся шары. Окружили, взяли в кольцо, шла по следу за ним смерть и дошла, и смотрит в зеленые глаза, пока еще живые. Мама. Мамочка!

Николай вспомнил зеленый шарик, который Пятачок нес ослику Иа на день рождения в мультфильме про Винни Пуха. Игорь так любит этот мультфильм, отголоском сознания подумал он, так расстроился, когда шарик лопнул, а потом спрашивал, почему не показали маму пяточка. По его, Николаевской вине, никогда Игорь, маленький мальчик, не звал никого мамочкой. Они *никто* не звали. Не княжеское это дело.

Он поднялся с колен. Ему надо, оперся с трудом он на ногу, ему надо еще все устроить. Призрачные копии павших бойцов дышали на Николая изморосью. Дрожащими губами он повторял себе под нос, что ему все это только кажется. Он выпрямился во весь рост своей широкой фигуры, призраки налетали, жали холодом, но Николай побежал. Побежал назад, спотыкаясь, Нет, не достанете, миленькие, смеялся он. Не достанете, вы все умерли! Вы все умерли! Улыбка белела, как отражение месяца, в ночи, летела по воздуху сама по себе, и бежал за ней, едва поспевая, ее черный хозяин. Не достанете, кричал Николай в пустоту, за его спиной бледно-прозрачные тени исчезали. Не достанете, прошептал он – я сам убил вас.

Он не оглядывался. Крыльцо оказалось перед самым носом. Николай, запыхавшись, вполз внутрь. В доме было уже темно, на столе горела одинокая свеча. Андрей храпел на спальнике у стены, Иван Макарыч на кровати. Николай тихо подкрался к рюкзаку, вытянул спальник, постелил на оставшемся месте посреди комнаты. Он налил себе дрожащей рукой воды, присел за стол, жалостливо скрипнула рассохшимся деревом табуретка. Нет призраков, сказал он себе, нет мертвых за оградой, что умерли в тысячи километрах отсюда. Нет нечисти, которая хочет затянуть его в свой омут. Нет той границы, по которой мертвые возвращаются в мир живых, ее ежесекундно охраняют. Он ополоснул лицо остатками воды и загасил пальцами свечу. В отражении окна остался плясать огонек. Кто-то не спал из соседнего дома напротив.

Не спал за печью и Игорь. Он сидел в темноте, уставясь на шкуру. Игорь отпихнул ее к стене, но запах не стал доноситься меньше. Как будто это была не шкура убитого зверя. Как будто это был сам зверь.

Глава 3. Копка

– Эта гора вчера казалась мне меньше.

Платон оглядел местность. Ошибаться он не мог, у него даже были очки. Холм вырос, берега вокруг стали круче. Растрепанная Светлана, приглаживая ладошкой кудри, протянула ему бутылку с водой.

– По-моему, гора не сильно изменилась. Спросонья мне иногда кажется, что я просыпаюсь не в своей квартире – сообщила она – Странное чувство. У вас похожий эффект. Давайте, доставайте карту, составим план на сегодня.

Платон с задумчивым видом покрутил свои заметки.

– Вероятно, часто ночуете не дома – вполголоса ответил он и тверже добавил – Подобное чувство возникает у тех, кто жонглирует местами жительства. У домоседа ему было бы просто неоткуда взяться. Вероятно, является одним из затруднений утреннего пробуждения бомжей.

– Вероятно, – постучала каблуком по земле Светлана – Вы держите карту вверх ногами – она перевернула у него в руках листок – Вот так-то.

– Вот могильник – указал рассеянно на пятно Платон, не обратив внимания на конфуз, мысленно он все еще пытался наложить по памяти вчерашнее изображение горы Кулайки на сегодняшний образец, чтобы сопоставить размеры – Идем вон в ту сторону – сверился он с компасом.

– Отлично – бодро кивнула Светлана, как будто ее не пугало слово могильник – Пойдемте.

Светлана руководствовалась тем, что чем быстрее они придут на могильник, тем быстрее его покинут. Палатку они свернули комом, как будто сбегали с места преступления, спальники впихнули в рюкзаки, проверили запас воды, ее было совсем немного, но, если осмотреть мыс до обеда, потом поймать по дороге попутку, к четырем часам уже можно обедать в городе. Светлана закинула сумку на плечо, нервно оглянулась, гора возвышалась над ними на добрый метр, правда, если встать с одной стороны солнца, кажется, что это такая игра света и тени, оптическая иллюзия.

– Вам ничего сегодня не снилось? – вдруг спросил Платон.

Светлана дернулась, прикусив губу. Ей и правда сегодня виделся неприятный сон, отчасти поэтому она и хотела убраться с горы подальше, пусть лучше будет при свете дня могильник, да и даже она знает, что это на деле обычный земляной курган, а не склеп, где живьем захоронена невеста. Почему ей в голову пришла невеста? Ей снились змеи. Обвивающие, скользкие, холодные, как чужие, совершенно незнакомые руки, сжимались на горле, обвивая в кольцо. Нет, ее еще рано хоронить.

– Змея, только и всего. У вас в кармане сонник?

Платон скривился.

– А у вас кофе? Погадаем?

Светлана сморщила нос, проявляя тем самым слишком большой для себя поток негативных эмоций.

– Вы сами спросили.

Зачем он спросил, вертелось у нее в голове. Она провела рукой по шее, пытаясь избавиться от ощущения невидимого шарфа на гортани. Или фаты. Или фатума. Слишком много допущений. Она резким движением подтянула из сумки шелковый платок и повязала под пиджак. Так хотя бы понятно, что вокруг шеи точно что-то есть.

– Не знаю, зачем я спросил. Место такое – обвел Платон снова взглядом гору, обернувшись вокруг своей оси, головокружение схватило его внезапно, очертания горы покосились,

дрожа, потом встали на место – Считалось, что это священная гора. Думал, может сон придет вещий. Вам. Мне сны не снятся.

– Мое имя не Олег.

– Что? – Платон часто дышал, перед глазами все еще плыло.

– Мое имя не Олег – повторила у него перед лицом Светлана, ее нос и губы, весома красные, плыли под странным углом перед лицом Платона, как будто он смотрел на них через выпуклое стекло колбы, но потом Платон заставил себя замереть на месте и сфокусироваться – Вещий Олег – исподлобья глянула на него Светлана, она сомневалась даже, что он с первого раза ее услышал – Змеи. Мне снились змеи. Вам это о чем-нибудь говорит?

Платон покачал головой, отпивая из бутылки воды.

– Забудьте – бросил он, подтягивая рюкзак – Идем к могильнику.

Протоки рек нагрелись, как полиэтилен парников в жарком июле. Алтайские воды не дотянулись в этот раз до Оби и не снизили температуру, а половодья наоборот раскормили новое потомство мошкар, так что по берегам шествовали рои, противно залезающие в нос и колящие жалами в неконтролируемой жажде крови.

– Кровь мошке необходима для отложения яиц – объяснял Платон на ходу Светлане, отмахиваясь планом могильника – Инстинкт размножения требует крови. Заметьте, как много всего питается ей, чтобы расширить свой ареал обитания.

Светлане его лекция нужна была, как этой самой мошке парное молоко, она зыркала глазами по сторонам, силясь найти можжевелевую ветку.

– Ага – с победоносным криком бросилась Светлана – Сейчас подожжем!

Она чиркнула спичкой, устроив дымокур из мохнатой ветки, запахло характерной смолистостью красных ягод. Светлана довольно втянула аромат, обмахиваясь.

– Находчиво – признал Платон, незаметно придвинувшись поближе к дыму.

– А то, бабушкин рецепт. Болотный багульник от моли, можжевельник от мошки, мята вместо репеллента.

– Могли бы репеллент и захватить.

Светлана посмотрела осуждающе.

– Могли бы и спасибо сказать.

– Спасибо.

Второй день давался им явно тяжелее, чем первый. Стало влажно, пахло болотами, Светлана от этого всерьез опасалась комаров или оводов. Она оторвала еще одну можжевелевую ветку на всякий случай и сунула ее в сумку. Платон выглядел невыспавшимся, но беспечным, или хотел таким выглядеть, Светлана могла поклясться, что у горы утром его что-то явно волновало. А вот идти было легче, чем вчера, дороги подсохли, только холмы казались круче и желтее.

– Пришли – примерно через час объявил Платон.

В местности не угадывались древние захоронения. Платон достал схематичный план могил и, вышагивая по заросшим курганам, принялся прикидывать масштаб. В Томской области могильников найдено немного, вот, если бы он наткнулся на новый, сразу же можно было объявить прорыв. Бывали же и случайные находки. Вот фигурка беременной лосихи на Кривошеинском культовом месте, например. Если копать, где никто не ищет... Так ведь случайный житель котел с медными фигурками на Кулайке и откопал, просто распахивал землю. Правда было это в 1920 году, а потом копали и в 1930, и в 1940, и, вероятно, в 1970...

От соснового бора тянуло ельником и влажностью старых пней, опутанных сетью сломанных игольчатых лап. Платон еще раз сверился с картой, на ее серо-писчей бумаге никакого леса не было. Платон перевернул карту, повернулся сам и с вымученным видом распахнул компас, определяя, куда показывает север. Голубая стрелка, как это часто бывает со старыми компа-

сами, замельтешила, словно неисправные дворники жигулей, не в состоянии сделать выбор. Платон захлопнул крышку со звуком разорвавшейся хлопушки и снова посмотрел на карту.

– По-моему, мы не туда пришли – признал он.

– Не туда? – лениво поинтересовалась разморенная Светлана со своего места на поваленном дереве – А мне казалось во-он те холмы, это и есть могильник.

– Это холмы, Светлана. А по карте перед нами должно быть болото, а не лес.

– Давайте я взгляну.

– Вы эксперт в чтении карт? – подтянул на нос очки Платон, галкой вытягивая вперед шею.

– Ну, не эксперт – протянула Светлана – А вы хотите снова углубиться в гадание? У меня есть одна знакомая в Асино, можете записаться на расклад, когда приедем – она закашлялась в свой шейный платочек, пытаясь скрыть смех и находя свою импровизацию со знакомой ясно-видящей весьма остроумной.

Платон выдержал ее смех, насупившись, отчего сходство его с галкой усилилось, черная полоса на голове птицы вполне походила на его осуждающий взгляд из-под ровной челки.

– Действительно болото – так же, как Платон минуту назад, покрутила карту Светлана – А эта карта... Вы уверены, что на ней верно нанесена местность? – ее смущала характерная бледность грифеля, какая остается после копировальной бумаги.

– Разве что она вдруг стала показывать будущее – ухмыльнулся Платон – Есть теория, что Васюганские болота когда-то поглотили лес. От этого местные жители и мигрировали дальше по сибирской равнине. Ладно, давайте отойдем в сторону километра на два. Возможно, имеет место быть небольшая погрешность.

Постарел Платон сознательно, чтобы дотянуться до возраста древних текстов. Копировальная бумага, карандаш, очки, отсутствие социальных связей, отсутствие телефонной связи, отсутствие чувства такта и отсутствие интересов компенсировались большой осведомленностью о картотеке архива, алфавитной системе районной библиотеки, именами известных исследователей и профессоров, и номером жилищно-коммунального хозяйства, куда он звонил иногда с просьбой проверить платежи, когда чувствовал совсем уж нестерпимое одиночество. Ради этого он собственно и провел в полученную квартиру телефон, казалось, однажды он зазвонит. Кто-то найдет его номер, случайно, чудом приклеенный на каком-нибудь столбе, и с той стороны раздастся женский голос. Возможно, он даже недослушает, что она скажет, положит трубку, достаточно будет знать одно – она его искала. И за эти поиски он ей все простит. Будучи человеком гуманитарного образования, но не лишенный математического склада ума, Платон презирал себя за допущение такого количества случайностей.

Он костенел, как музейное животное, отгороженное стеклом от внешнего мира. Воздух за этим стеклом был древний, но свежести мозгам в познании утерянных культур это не придавало. Реальность оказалась еще древнее, как бы не бежала вперед, и Платон, однажды подняв от книг голову, постфактум осознал, что ускоренная старость – это вид человека будущего. Этот вид не поменяется и прибудет с обществом даже в новейшей эре, а вот в эре настоящего его всегда выталкивает, как надувную шину из озера. Большая река бытия не менялась, все ее уникальные притоки впадали в одно единомассовое сознание, потому что большее поглощает меньшее. И Платон наконец решил пойти за большим, чтобы поглотить большое. Иными словами, он хотел перевернуть массы к культурным истокам, получив знания о величии бытия. Пока бытие выглядело больше и сильнее. Одним словом, оно было действительно велико.

В районе двух километров намек на болото не было, как Платон не старался разрывать ногами черные сгустки в углублениях ямок, похожих на лужи. Сгустки были не водянистые, а какие-то гуталиновые, и чертыхаясь, Платон еле выбрался из подобной ямы. Что-то незаметное, но явно присутствующее смущало его еще с Кулайки, какое-то изменение воздуха, и ненавязчивый ропот из лесной чащи. Теперь вот еще болото с карты пропало.

– Делать нечего, давайте здесь копать – скинул он рюкзак, расчерчивая кусок земли носком ботинка.

Светлана достала крохотный блокнотик и сделала несколько пометок.

– Что вы пишете? Бортовой журнал, сколько раз за полдень зевнули?

– Не иронизируйте, Платон. У вас своя работа, а у меня своя, и я с вами в экспедиции не в качестве развлечения.

– А жаль – напрягшись, копнул Платон – Все интереснее, чем сидеть в тишине.

Светлана предложением не соблазнилась, и несколько часов они провели молча, пока Светлана не потянулась за пирожком, который ей сунула в дорогу заведующая столовой, половину она протянула Платону.

– Спасибо – Платон смял пирожок одной щекой – Еще полчаса и уходим отсюда. Еда заканчивается, и энтузиазм тоже.

Светлана кивнула, готовая отправляться незамедлительно. Платон воткнул в землю острый край лопаты и на что-то наткнулся.

– Эврика – буркнул он, вгрызаясь в грунт поглубже.

Орудя лопатой, как костылем, Платон быстро-быстро разрыл землю, и на солнце показалось керамическое горлышко сосуда.

– Не может быть! – Платон по-детски ахнул, зарываясь по локоть в землю.

Грунт поддавался легко, рассыпчатые комья летели в разные стороны, уже на свет показалась пузатая форма расписного горшка, куски бересты.

– Что за запах? – потянула носом подошедшая Светлана, сконфузив лицо.

– Что? – Платон от радости ни на что не обращал внимания – Какой запах?

Тут и до него стал доходить довольно резкий запах сточных вод и скопившегося в баке мусора, тлеющего на прожаренной чесноком сковороде июльского полудня. Светлана отпрянула, сдерживая тошноту, Платон тоже почувствовал нечто подобное. Он бессвязно поднес к носу руку, закрываясь рукавом куртки и осторожно отодвинул кусок плотной бересты. Черно-белые точки и тире отчетливо сохранились, береста была такой же гибкой, как при жизни, потому что она не гниет, в отличие от... Платон знал, что найдет, раздвигая березовые лоскуты. Отряхивая землю, он зажмурился от усилившегося запаха кадаверина.

– Платон...Платон – позвала тоненьким голосом Светлана.

Платон, как во сне, поочередно стряхнул с каждой руки землю, не забывая прижимать к носу ткань. Он мысленно отсчитывал секунды, и сколько частиц трупного яда проникает за это время через авизентовое плетение куртки. Ткань эту еще во время первого курса украл откуда-то его друг Мишка. Пошил им в поход одинаковые куртки со словами «В войну послужила и нам послужит». Тогда казалось они трое будут неразлучны, вон даже куртки одинаковые в знак вечной дружбы. Сколько скальников покорилося, сколько сожжено костров, спето песен, сколько тостов за «Такие, как они должны держатся вместе», а по итогу пустота. Обычно проходят годы, пока сокурсники к сорока расходятся, ставят каждый на своей дороге указательный камень тебе мол вон туда, и куда бы ни пошел, лишь бы от меня подальше. Но на их срок выпало не больше двух лет, пробежала черной кошкой сокурсница Ирина, двое разодрались, а третьего отбросило от разорвавшейся в этой драке гранаты. Никто из них любви не испытал, но и слов, сказанных в пылу борьбы не забудешь. Банальнейший сюжет, но Платона отбросило далеко. Глупы дела молодости, и легко закрыть на них глаза. «Настоящие узы, они ж, как канаты а, мы с вами три толстяка, три богатыря, три поросенка». Три. Слова бы эти твои, Мишка, да Богу в уши, да похоже только не ласкают они его слух, ведь Бог придумал специально для людей пару. Пару тварей.

Любовь разбила, развела. Можно было и простить их, и они бы простили его и друг друга, но не увидишь ты в родном лице больше никого, кроме чужака. И не понял Платон, для чего все это было. На что годы были эти веселые, с курантами в общежитии, с селедкой на газете и

одной елочной игрушкой на лампочке Ильича, и что ему теперь с этими годами делать? Где-то ходят сейчас Славка и Мишка в таких же куртках, а ведь они на них можно сказать поклялись. Вместе решили держаться, жертву ими можно сказать принесли. И для чего?!

Нужно зарыть ее, быстро подумал Платон, зарыть куртку. Забери ее земля. Придать ее земле. Зарыть. Зарыть в клад. Культовое место у горы, кровью окропить. Кровь тогда у Славки носом пошла и не осталось на куртке ни пятна. Реки все их умоют, умоют дочиста. Они пообещали, поклялись. «Такие, как мы должны держаться вместе». А потом звериный взмах черного хвоста, и жертвы, жертвы, жертвы. Ирина принесла, пожертвовала для чего-то их троих. Во что ты нас зарыла, Ирина? Где выход оттуда для мертвеца? А ведь ему она тоже нравилась...

Светлана не выдержала и, отвернувшись к кустам, избавилась от размягченных остатков пирожка. Горло сдавила кислота от желчи и капусты. Она оттащила несообразяющего Платона подальше от могилы и бросила валяться, не в силах вдыхать больше этот запах без того, чтобы не вывернуть изнанку своего небольшого желудка.

Воды не было, Светлана достала из кармашка карамельку и просунула в прорезь шарфа, которым завязала нос и рот. Платона полить было нечем, так что она оттащила его еще на несколько метров и принялась бить по щекам. Очки у него смешно съехали, по уголку рта стекала слюна, но он хотя бы больше не бредил. Светлана металась перед нерешительным выбором, не засунуть ли ему в глотку пучок травы, чтобы очистить так организм от токсинов, рецепты бабушки на случай встречи со свежезакопанным трупом не давали ей никаких советов.

Светлана попинала Платона ботильоном, полетели сухие куски налипшей вчера грязи. Она боролась с истерикой. Платон не приходил в себя. В метрах от нее раскопанная светила, как витрина манекеном, мертвым человеком могила, а тишина, воцарившаяся вокруг, прилипла к Светлане суперклеем, когда пальцы кажется уже вот-вот срastутся друг с другом, и нужно что-то срочно делать, а вместо этого сам собой подкатывает только несчастный скулеж, что ты остался без рук и ощущаешь на пальцах этот неприятный, стягивающий, шершавый невыносимо матовый, чертов клей!

Светлана от души чиркнула спичкой и поднесла к выгнутому носу Платона пахучий можжевеловый веник.

– Что, что вы делаете? – промычал он, приходя в себя.

– Наконец – распахала его Светлана – Вставайте, вставайте! – она потянула его худющую фигуру вверх – Нужно уйти отсюда!

Платон, покачиваясь, поднялся и не совсем еще отдавая себя отчет в действиях, оперся на Светлану и, гонимый ее «Вот так, одна нога, вторая, дышать этим больше не могу» пошел в сторону, откуда они ещё недавно пришли.

Через полчаса Платон провел инспекцию своего тела и только убедившись, что внешние органы не собираются отрываться от тела под действием трупного яда, а внутренние *вроде бы* тоже не собираются этого делать, но он не берется утверждать однозначно, потому что желательно бы его срочно просветить, Платон обратился к Светлане с не очень радужной новостью.

– Светлана, по-моему, у нас проблемы.

– Конечно проблемы – охотно отозвалась Светлана – Знаете, этот запах как будто прирос к моим рецепторам! Вот полип морской просто настоящий. Если бы не можжевательник, – она обмахивалась потрепанной ветвью – Ну я не знаю просто, что бы со мной было. Вам бы пришлось меня нести. Хотя бы в качестве ответной услуги, я же вас отнесла.

Светлана посмотрела пуговичным взглядом плюшевой собаки, намекая на скромную благодарность ее хрупкой, но стойкой персоне, но у Платона в детстве не было игрушек, их успевали забрать другие дети, так что Светлана могла рассчитывать лишь на воображаемую

открытку, посланную самой себе. Воображаемая открытка Светлану решительно не устраивала.

– Вы так и будете изливать благодарности после указки? Что такого сложного сказать простое человеческое спасибо в ответ на помощь? Или будете утверждать, что на моем месте вы бы тоже самое сделали? Так вот спешу огорчить, я не имею привычки обниматься с трупами!

– Сделал бы – ножничками разрезал претензии Светланы Платон – И у меня самого подобных привычек нет. И это совершенно к делу не относится! – воскликнул он так, что очки подпрыгнули на переносице – У нас большие проблемы! – он сделал многозначительное лицо – По-моему, мы застряли в пятом веке.

Светлана приготовилась к тираде о том, по сколько ей уже застрял Платон, и что застряло у него, и в каком месте, но услышав последние слова его, она решила пожалеть человека, который еще не совсем пришел в себя.

– В каком веке? – ласково спросила Светлана – В пятом? Платон, давайте с вами присядем вот тут на кочку, да, передохнем...

Платон вырвался из ее на удивление цепких рук, как будто Светлана подрабатывала по ночам в вытрезвителе.

– Я совершенно в порядке – отмахнулся он, и попытался придать себе внушительный вид, надвинув очки, морщины у его бровей скачками дробили гороха бросились вспоминать, какое нужно занять положение для кремennого лба, Платон патетически взмахнул рукой – У меня есть доказательства!

– Да-да – охотно кивнула Светлана.

– Под руку не дадакайте! Вот эта могила, – трясущейся рукой указал он на холм и, узрев свистопляску конечности, с ужасом, перехватил ее, как добрый муж хватается свою Кармен на чужой свадьбе – Она свежая, – устаканил Платон – А лежит в ней недавно почивший кулаец, обернутый в бересту. Простите, я не пойду его разглядывать, чтобы доказать вам, что это действительно кулаец. А осколки керамики, которые нашли в наше время на кургане, вы видели полчаса назад, только в виде целого горшка! Его ставили умершим в ноги.

Светлана сглотнула. Даже ей, далекой от науки, гипотеза Платона показалась правдоподобной. Но как там поступает научное сообщество? Опровергает слабые места выдвинутой теории, пока ответчик не предоставит железо-бетонно-монолитные доказательства? По крайней мере Светлана собиралась просить именно такие.

– В позднем голоцене – опередил ее Платон – Началась перестройка климата, стало влажно и холодно – он обернулся на сопки – Все, где мы стоим сейчас, в наше время занято болотами. А здесь лес и реки, уверен, полные рыбы. Потом заболачивание стало влиять даже на гидросеть, в болотной воде недостаточно кислорода для рыбного промысла. Вы видите? Взгляните на карту.

Платон подсунул Светлане свою картонку. Ему доказательств не требовалось, ошибки быть не могло, факты в виде природы были у них перед глазами.

– Люди и животные больше не могли прокормиться, и они начали мигрировать на юг, а это означает...

– Означает? – Светлана оторвала голову от карты, клей, который разливался до этого по ее телу, начал добираться до лица, скулы затачивались друг об друга, она яростно шевелила ими от раздражения, что Платон продолжает говорить загадками.

Он посмотрел на нее смешанным взглядом, пытаясь скрыть тревогу и любопытство.

– Это означает, Светлана, – загадочно посмотрел он на нее своими призрачно-голубыми глазами – Что кулайцы все еще здесь.

Лицо у Светланы онемело.

– Вы шутите? – попробовала крутануть сектор приз она.

– Нет – Платон был предельно серьезен.

В силу своих знаний, он быстрее Светланы понимал, чем грозит встреча с древним недружелюбным народом, так что внимательно озирался, проверяя верхушки деревьев, стволы, камни, но вокруг распростерлась одна лишь безликая пустынная степь, и от этого Платон в два раза сильнее ощущал себя мишенью.

Светлана обнесла грудь крестом.

– Зря креститесь – бросил ей Платон, закидывая рюкзак – Не поможет.

– Почему? – тишком раздался вопрос.

– Здесь слово не родилось еще – понизил голос Платон – Не поможет – он обернулся бобылем на холодные леса, вцепившись в парусиновые лямки рюкзака и вспоминая марь прошлого, накинувшуюся на него над трупом – Здесь поступок важен. Жертва.

Светлана кивнула, едва ли понимая, чему, засемила следом, хаотично перебирая полы пиджака. Закричать или пока не кричать, проносилось у нее в голове. Конечно же не кричать, дура, одернула она себя, медведь прибежит или кто похуже. Местные жители, любители жертвоприношений почему-то пугали ее больше, хотя ни медведь, ни они на самом деле бы не спросили, вас в шею или в живот, куда лучше убивать?

– Давайте до поселка дойдем, помощи попросим! – запричитала Светлана – Чермушки должны быть рядом, я на карте видела!

– Если мы с вами в пятом веке застряли – грубо оборвал ее Платон – Там вместо поселка такие же кулайские городища. Да может и сейчас там Чермушек ваших нет! Пропадают деревни, зарастают дороги, и там теряются люди.

– Природа их выживает – всхлипнула Светлана.

– Не природа, а прогресс – просвистел Платон, скатывая карту – К горе пойдем, если там граница межвременная, там и домой вернемся.

– А мне кажется, вы не будете домой, Платон, торопиться – с упреком заметила Светлана, переступая следом – Вы же сейчас воочию кулайские жертвоприношения можете увидеть!

Светлана сказала и сама себя обругала. Платон посмотрел с интересом.

– Могу – загадочно улыбнулся он.

Светлана зашла от растерянности и от Платоновской тупости. Вот уже упрямый, соображала она. Разделиться нельзя, глупо и неправильно, а тащиться за Платоном послушно на поводке тоже ей не хотелось. Хотелось домой, в свою крохотную конуру, в старый плед на продавленном диване, оттирать золотой ободок на кружке с росписью в виде сливы и малины. И от малины она бы тоже не отказалась, хотя бы в виде варенья. Пригласила бы вот Платона в гости на чаек, на что ему эта керамика умерших народов сдалась, когда есть вот, объединяющий всех людей, Полонский фарфор. Светлана прикрыла на секунду глаза, представляя себе эту картину, любимую чашку, вкус варенья, а потом, отмерев от воцарившейся тишины, вернулась в действительность. Долговязая фигура Платона, вышиной землекопов в пять, уже шагала дальше по берегу, стремительно от нее удаляясь. “Платонский фарфор!”, топнула от досады Светлана, ускоряясь.

– Платон, а вы знания ищите, – подсказывала она следом – А знания – это власть. Кто вас в детстве обидел?! – выкрикнула она – Кто вас до сих пор обижает, что вы хотите это древнее знание ему в лицо пустить?

– Мир – почти со смехом ответил Платон – Он всех нас обижает.

– И вы ни в чем, ни в чем сами не виноваты?!

– В том, что родился – посмотрел Платон внимательно на Светлану – Вот нас тут с вами в жертву принесут, а никто и не заметит.

– Да разве ж никто? – сердито удивилась Светлана, остановившись.

– Пока раскапывать не придут. Археологи. Будем значительной находкой, – посмотрел Платон на небо – Если время тут течет в одном направлении, без искажений.

– Моя мама заметит – обиженно надула губы Светлана.

Платон обернулся к заводи, обвел приток свербящим взглядом, прикидывая, не кинуться ли в поисках на дно. По верованиям потомков кулайцев, в реке был нижний мир, если через эту триаду прыгнуть, может через небо на землю можно свалиться?

Не оборачиваясь он бросил Светлане:

– Повезло – а потом добавил, криво улыбаясь – Момент, конечно, исторический, но не переживайте, соваться к кулайцам мы не будем. Во-первых, не нужно игнорировать законы времени, вдруг мы сейчас тут что-то изменим, и весь наш мир по нужде пойдет. Хотя куда уж больше – пробормотал он себе – А во-вторых, как бы нам с вами не стать участниками этих жертвоприношений. Современный человек против человека железного века – прокричал он, возобновляя ход – Все равно что рагу из кролика против волка! Больно томленные мы с вами, как черничный, прыгающий желатином джем – Платон, представив такую вазочку, чуть слюной не поперхнулся – А сибирские народы оттого и угрюмые, потому что внутри у них все лицевые мышцы натянуты в тетиву. Чтобы врасплох не застали.

– Ну и тяжело же им жилось – вздохнула Светлана, переставляя бутылки по холму, сыпучий приговор все время хотел уползти из-под нее.

– В каждом веке жить тяжело – философски заметил Платон, взбираясь – И только грядущий кажется легче. Надежда на чаше весов Анубиса, как перышко Маат, перевешивает горечь сердец. А жить то надо здесь и сейчас, а не когда в загробный мир будущих лет будешь стучаться со словами «Пустите, я жил праведно, но без всякого счастья и без всякой пользы».

– Да как же? Грешить что ли ради счастья своего? – не поняла Светлана.

– Все, Светлана, грешат, только счастья от этого тоже нету. Перефразируя Толстого, все счастливые времена похожи друг на друга, каждое несчастливое время несчастно по-своему. Потому что счастье для всех нас в одном, в одинаковом, а горе переживается в одиночку, всеми покинутое. Вы разгадали мою загадку о влиянии прошлого на будущее с обратной стороны?

– Нет, Платон, знаете, как-то не до этого было.

– Вопрос, в общем-то, был риторический – смутился Платон – Вот представьте, закольцованную железную дорогу, и на ней прорву поездов. Куда покатятся начальные поезда?

– Обратно.

– А впереди них что?

– Другие поезда – снова не поняла Светлана.

– Именно. А так как рельсы одни, деваться им некуда. Поезда из прошлого будут давить на поезда будущего, а те, в свою очередь, сминать поезда настоящего.

– Но, Платон, – возразила Светлана – Время, оно ведь так не закольцовано.

– А откуда вы знаете? – поднял очки Платон, близоруко уставившись и протирая переносицу – По крайней мере в одном измерении оно так и устроено. В наших мозгах – постучал он для наглядности – Опыт ошибок прошлого давит на восприятие будущего, и пока мы страшимся этого потенциального краха, страх отравляет наше настоящее состояние.

– А, по-моему, вы всё-таки не правы – не хотела сдаваться этой пессимистичной теории Светлана.

– Ну вы задумайтесь – усмехнулся Платон – Сколько раз в день вы прогнозируете цены на хлеб, а потом слышите подобные прогнозы от продавцов и коллег? Вы человек будущего Светлана, в каком-то из вариантов его развития. Поздравляю с открытием путешествий во времени, вы уже успели закрасить все три галочки. Будущее, настоящее и прошлое! Четвёртого времени пока не существует, но и то, что свершили вы, недоступно было многим до вас!

– Вам бы только издеваться!

– Ну разве это издевка? – усмехнулся Платон – Просто приправленный иронией факт. И вы подумайте, сколько раз все возвращается по кругу. Государства, мода, культура, финансы. Это просто настоящие поезда отъезжают в прошлое и поддавливают нас оттуда.

– А как в таком случае увидеть будущее?

– Глобально, Светлана, нам с вами можно только взглядом зацепить уходящий поезд.

– А этот Анубис – негромко спросила Светлана – Он ведь, как кулайские культовые фигурки, зооморфно-антропоморфный или как это... С головой зверя и телом человека.

– Ну а что вы, Светлана, думаете, есть какой-то уникальный мотив культуры? Манера изображать животных рентгеновским способом, прорисовывая внутренности, была присуща также индейцам пуэбло – начал занудное перечисление Платон – Оджибве, эскимосам с Аляски и папуасам Новой Гвинеи. Потому что все они были охотниками. Культ животных восходит из тесного сожительства животного с человеком. В Древнем Египте шакалы выкапывали тела людей в неглубоких песчаных могилах и съедали их, а египтяне создали из этого образ и стали молиться, чтобы Анубис не приходил осквернять тела их родственников. Вы думаете, что мы чем-то отличаемся? Люди мыслят одинаково, параллельно развитию. Плюс-минус. Разница только в воплощении. Можно сказать, мы с вами разгадали тайну кулайских кладов – ритуальное эволюционирование в заданных условиях времени.

– То есть никаких загадок нет?

– Есть – Платон улыбнулся хитро и хищно – Нулевой пациент. Тот, кто первым духа метафорически увидел. А может и не метафорически. Представляете, как легко внести вирус в человеческую культуру? Просто выйти один раз из-за завесы и подарить человечеству идею, дать уголек, научить рисовать рисунок. И все. Наскальная ритуальная корова начнет пожирать сама себя. И вопрос, сколько ее крови готов пролить человек, чтобы приблизиться к богу и получить все, что он захочет?

– Бог или человек? – уточнила Светлана.

– Если бог внутри нас – с улыбкой пожал плечами Платон – То мы то, чего он хочет. А он хочет то, что внутри нас.

Глава 4. Семь частей

– Доброго утра, сынки – засуетился Иван Макарыч, заходя в дом с бидоном набранной холодной воды – А чего ж такие хмурые? – хитро рассмеялся он – Огурцового рассольчика, может, хотите? Остался еще.

Андрей, потянувшись, сполз с табуретки и перехватил бидон.

– Да ну, дед Иван, бодрые мы, да, Николай? – подтолкнул он брата, тот угрюмо размешивал сахар в кружке, притапливая ложку раз за разом по кругу.

– Что-то Николаша не весел – покачал головой Иван Макарыч, нагревая чайник – Ну, сейчас чайку испьем, и тепло на душе станет.

– Все со мной хорошо – наигранно бодро ответил Николай – Просто снилось всякое на новом месте.

– А, всякое – подхихикнул Иван Макарыч – Да как не присниться? Бывает такое. Настойка-то на вытяжке мухоморов. Вам городским с непривычки небывальщина чудится.

– На мухоморах? – тяжело обернулся Николай – Ты что же, дядя, отравить нас хочешь?

– Э-э нет – согнул по-птичьи голову Иван Макарыч – Что в природе зло, то в малых количествах польза. Уж мы с Савельичем сколько лет настой пьем – ухнул он – Крепчает здоровье только.

Андрей и Николай переглянулись.

– Ладно, дядь Иван, – ответил Андрей – Позавтракаем и за работу надо браться, поможем тебе двор убирать, воды наносить.

– А где Игорь? – Николай заозирался.

– Во дворе он – ответил Иван Макарыч – Играет с Савельичем.

– С Савельичем? – Николай шумно отодвинул табуретку и направился к двери.

Распахнулись сколоченные доски, Николай вышел во двор, за ним по следу шел с растерянным видом Андрей.

– Чего это, ты, Николаша? – вопрошал он, забыв про нагретый кипяток.

Игорь сидел в высокой траве и играл с серой птичкой. Птичка подсакивала к нему на колени, а потом упархивала подальше, Игорь пытался поймать ее за оперение.

– Кыш – накинулся Николай.

Птичка зыркнула черным глазом и взлетела на забор. Иван Макарыч бросился, размахивая руками, на Николая.

– Нельзя, нельзя! Священная птица – кукушка – загородил он пернатую – Только в особом, одном случае вред ей принести можно.

Игорь выглядел расстроенным. Лицо его сжалось обратно в невыразительный блин. Николай растерянно провел рукой по затылку, успокаиваясь.

– Действительно, чего это я – пробормотал он, обернувшись к птице – Иди сюда, кукушка, не бойся.

Птица покрутила головой и улетела.

– А где Савельич то? – посмотрел по сторонам Андрей.

– Упорхнул – засмеялся Иван Макарыч – Ну, пошли в дом – зашаркал он по земле – Чайник стынет.

В рамке утреннего натюрморта картина деревни предстает совсем в ином виде. Блестит стеклышком роса, рдеет заря, туманы умывают дома и кажется, что нет больше этого пыльного плена старины и разрухи. Нет запаха сгнивших огородов и слипшихся поленниц, подточенных жуками.

Николай после завтрака пошел в дедовскую баню, нашел там бритву и помазок, и в тишине сырых досок отсек свои усы от корня, вырывая из чужих уст «Усы бы свои к щекам под-

тянул, Николаша». Хотелось улыбаться этой живописной пасторали за окном. Николай с утра долго сидел на крылечке, наблюдал, как искрятся капли росы, ел свежий деревенский воздух. Вот его бы в банки то на зиму закатывать. Он рассмотрел осколок лица в треснутое зеркало. Говорят, что в деревне наступает переизбыток кислорода и может вызвать эйфорию. Мелькал то зеленый глаз, то половина уса, то снова глаз, безжизненный, как цвет линялого забора, то голые уста, светлее ставшие и моложе. Вот и надо этот кислород закатывать, чтобы настоялся, выдержался, окислился. Обезопасился. Николай попробовал улыбнуться, и по амальгаме кривым зигзагом потянулась зубатая улыбка. В окне послышался стук, из ладони Николая выпал, в ответ смотрящий, осколок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.